

Грахова Светлана Ивановна, Скворцова Любовь Владимировна

ОБРАЗ ОДАРЕННОЙ ЛИЧНОСТИ В РУССКОЙ НАРОДНОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ

Понятие "одаренной личности" волновало людей много лет, даже веков, тому назад. Старинная русская народная волшебная сказка создала свою "версию" образа героя, одаренного Природой гибким умом, доброй душой, созидательным оптимизмом. В статье предпринята попытка интерпретации любимого героя волшебных сказок – Ивана-Дурака – с позиции "одаренной личности". Раскрывается поэтика фольклорного образа, символика прозвища героя. Делаются обобщения культурологического и философского характера.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/4-1/17.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. I. С. 65-67. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 398.21

Филологические науки

Понятие «одаренной личности» волновало людей много лет, даже веков, тому назад. Старинная русская народная волшебная сказка создала свою «версию» образа героя, одаренного Природой гибким умом, доброй душой, созидательным оптимизмом. В статье предпринята попытка интерпретации любимого героя волшебных сказок – Ивана-Дурака – с позиции «одаренной личности». Раскрывается поэтика фольклорного образа, символика прозвища героя. Делаются обобщения культурологического и философского характера.

Ключевые слова и фразы: интерпретация; образ героя; одаренность; фольклор; волшебная сказка; символика.

Грахова Светлана Ивановна, к. филол. н., доцент

Скворцова Любовь Владимировна

*Елабужский институт Казанского федерального университета
SG2223@yandex.ru; Lyubaxa0903@mail.ru*

ОБРАЗ ОДАРЕННОЙ ЛИЧНОСТИ В РУССКОЙ НАРОДНОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ[©]

Вопрос одаренности человека является одним из наиболее актуальных в современной науке. Проблемой одаренности интересуются не только педагоги, психологи, но и фольклористы, литературоведы, культурологи. В настоящее время ведется работа по созданию новых психолого-педагогических технологий, направленных на выявление и развитие одаренных людей. Ученые теоретики и практики делают немало попыток определения понятия «одаренность». Однако данный вопрос интересует не только современных исследователей. Понятие «одаренной личности» волновало людей уже много лет, даже веков, тому назад. Русский фольклор тоже тому доказательство. Одаренные, талантливые люди, которых отличает принципиальная новизна, оригинальность мышления, привлекали внимание сказителей русских народных сказок. Народные мыслители создали уникальный образ русского «новатора» – Дурака (Ивана, Емелю, Василия, Шиша и пр.). Это так называемый «низкий» («социально обездоленный персонаж», «не подающий надежд») персонаж: «плохо одет, презираем окружающими, на вид ленив и простоват, но неожиданно совершает героические подвиги либо получает поддержку волшебных сил и достигает сказочной цели» [4, с. 179-180].

В современном представлении герой волшебной сказки, к сожалению, ассоциируется с ленью. Однако это ошибочное, «узкое» толкование образа. Центральный сказочный персонаж гораздо глубже, является «хранителем» философской народной мысли о судьбе человека. Задача данной работы видится в толковании «тайного смысла» фольклорного образа, символика прозвища героя, в интерпретации его с позиции «одаренной личности».

В словаре С. И. Ожегова «дурак» толкуется как «глупый человек» [5, с. 148]. По В. И. Далю, «дурак – шут, промышляющий дурью, шутловством», а «дурить, дурачить – это шутить, забавляться над кем-то, не подавая виду (то есть тоже весьма умно). Недаром же говорят: –Дурак дураку рознь” или еще –валить дурака”, –валить Ваньку-дурака” (или просто –валить ваньку”)), то есть прикидываться глупым ради собственной выгоды» [3, с. 53]. К тому же мысль народная в прозвище сказочного героя включила и имущественный статус человека: младший сын не рассчитывал на надел земли, на наследство. Поэтому здесь прослеживается некая образная параллель с «пустой рассадой», называемой в просторечии «дураком»: она не растет и не дает плодов.

Вспомним сказку «По щучьему велению». Главный герой сказки – Емеля – младший сын и по сложившейся сказочной традиции дурак. Ему посчастливилось поймать волшебную щуку. Откупилась она словами заветными: «По щучьему велению, по моему хотению...». С этими словами Емеля многое преодолел: по хозяйству помог, недругов наказал, въехал на печи в царские палаты, на царской дочке женился.

Щука не случайная героиня данной сказки. По славянским мифологическим представлениям жизнь на земле зародилась из воды. Обитатели водной стихии считались прасуществом, прародителями всего живого. Когда на Русь пришло христианство, рыба стала олицетворением души человеческой, блуждающей в океане Мировой души. «Недаром же Христос считался рыбаком, то есть ловцом человеческих душ, который направляет их на верный путь в Царство Небесное» [Там же, с. 48].

Вот и в сказочном мире щука – особая рыба, которая умеет исполнять желания души человеческой. Заметим, не материальные желания, а духовные – те, что душа просит. По сюжету сказки Емеля не попросил ни золота, ни серебра. Чудесным элементом является то, что герой беседует с рыбой. В этом видится особый дар Емели – быть близким к природе. Добрый, отзывчивый, не желающий никого губить. Его душа открыта душе всего окружающего мира. Поэтому он и щуку слышит. Жалеет её и отпускает в воду. Награда за доброе сердце – слова заветные.

В другой сказке, например в «Царевне-лягушке», Иван-царевич тоже щуку пожалел, отпустил ее к малым деткам. Волшебная рыба и ему помогла: достала со дна морского яйцо, в котором хранилась смерть Кошечеева...

А. С. Пушкин разгадал тайну души сказочного героя. Однако в своей авторской сказке о золотой рыбке показал обратный эффект: «умная» старуха сама рыбку не словила, но стала требовать через доброго старика-рыбака материальные блага, к тому же с возрастающими запросами. Финал очевиден: осталась старуха с разбитым корытом, потому что была злой, жадной, завистливой и эгоистичной.

Народный герой не таков. Вспомним Емелю, который просит только то, что нужно для общего хозяйства. У него ведра сами домой воду носят, топор сам дрова рубит, а они в сани укладываются. Его изобретательная мысль не знает предела. Сначала у него сани ехали сами, без лошадей. Свообразный «безлошадный экипаж» – автомобиль. Дальше его мысль «изобретает» новое средство передвижения – самоходную печь. Все это подтверждает особую одаренность героя. У него светлая голова, гибкая мысль, острый ум.

Важен в понимании образа героя еще один эпизод в сказке, подтверждающий, что Емеля не глуп. После того как царевна влюбилась в Емелю и пожелала выйти за него замуж, уже после преодоления всех неблагоприятных обстоятельств и устройства дворца для молодой жены, в самом конце герой пожелал что-то для себя: «по шучьему велению, по СВОЕМУ хотению» стать «УМНЫМ да пригожим». Здесь народная мысль отталкивается от прописной истины, что глупый человек никогда не признается, что недостаточно умен и красив. Емеля же поистине умен и стремится к постоянному развитию.

Заметим, что в знаменитом сборнике сказок А. Н. Афанасьева представлен вариант сказки «По шучьему велению», в которой герой, поймавший щуку, не имеет имени, а назван народными мудрецами Убогим. Только не в значении «крайне бедный», нищий, «немощный, увечный, жалкий на вид» [5, с. 670]. Скорее всего, в значении «бедный», но «у Бога за пазухой», то есть любимец Божий. Как и Емеля, был он добр, отзывчив, но беден. Сколько ни трудился – все без проку. Но не сетовал он, а искал причину своему нелегкому положению. И нашел: «Видно, я богу не угодил; стану я с утра до вечера молиться, авось господь и смилуется» [1]. И господь принял молитвы Убогого. Поймал герой щуку на светлый праздник, думал разговеться. Однако пожалел чудесную рыбу, отпустил её на волю. А та его вознаградила за доброту великую, за прекрасную душу. Назвала ему слова заветные. В этих словах, на наш взгляд, кроется сакральный смысл не только образа героя, но и всего сюжета сказки. В древнем народном тексте в заветном заклинании щуки вместо слов «по шучьему велению, по СВОЕМУ ХОТЕНИЮ» (как это звучит и в писательских обработках, например А. Толстого) читаем «по шучьему велению, по БОЖЬЕМУ БЛАГОСЛОВЕНИЮ». Получается, что «по шучьему велению», как уже отмечали ранее, это «по велению души». Слова же «по Божьему благословию» можно растолковать как помощь Бога через «щуку-душу» своему Убогому. То есть «по велению души, по благословию Божьему» через добрые поступки, помощь близким и нуждающимся наш герой устремляется к счастью.

Дальше народные сказители опять же подчеркнули природную одаренность героя, который, женившись на царевне, провел её через испытания лесной чащей и пустыней. Там она извела настоящие голод и жажду. «Что, – спрашивает убогий, – знаешь теперь, какова жажда и голод?» – «Знаю!» – отвечает царевна. «Вот так-то и бедные мучаются...» [Там же]. Поняла царевна свой грех. Проучил герой заносчивую царскую дочку по-умному, реально продемонстрировал ей все тяготы народного страдания.

Иван противопоставлен в сказках своим разумным братьям, которые, однако, несмотря на всю правильность бытия и мысли, не могут достичь житейских высот. А лежебоке и лентяю Ивану судьба дает волшебных помощников, открывает тайну магических слов-заклинаний. Но сказка не воспекает и не поощряет лень. Если братья руководствуются общепринятыми законами обывательской жизни, то Иван опирается на собственное чутье. Он не дурак в прямом значении этого слова, он близкий к Природе человек. Это единственный персонаж, которому даровано пребывать сразу в двух мирах: и в мире Яви, и в мире Нави. В мире реальном и потустороннем [2].

Иван лежит на печи, которая является и центром дома, и центром Вселенной. Часто печь позволяла осуществлять связь с миром мертвых (Нави) и наоборот (вспомним, Баба Яга вылетает через печную трубу в мир Яви). Герою волшебной сказки даровано наивно-детское восприятие окружающего мира. Он не знает зла, всей душой открыт силам добра и справедливости. Он может говорить с деревьями, птицами и животными. Слышит голоса обитателей потустороннего мира. Иван – некий «очарованный странник» сказочного мира русского фольклора.

Образ Ивана противопоставляется практической мудрости. Глупым и ленивым он воспринимается по меркам земным. А параллельный мир видит его другим – беззлобным, искренним, с тонким чувством юмора, открытым душой миру Вселенной. Отсюда главный урок, который преподносит нам герой народной сказки. Важен не поверхностный взгляд на мир и человека, а глубинный, до самой сути. Цель человека не в практическом успехе, а в духовном. Таким образом, разрушаем примитивную трактовку образа Ивана-Дурака как некий символ русской лени и глупости. Иван – символ яркой мысли, душевной чистоты, добра и природной одаренности. Эту мысль подкрепим оригинальным толкованием слова «дурак», которым поделилась в своем исследовании Е. А. Коровина: «„ду“ – это от английского – „делать“ (между прочим, первогласная одинакова и в английском, и в русском языках). Ну а Ра – понятно, божественное, духовное начало (от Ра – древнеегипетского бога Солнца). „К“ или – „Жа“ – так в Древнем Египте называлась Душа. Получается, что дурак – это делатель духовного начала в человеке, а никак не материального...» [3, с. 54].

Подводя итог вышесказанному, отметим, что любимый герой русских волшебных сказок (Иван-дурак, Емеля и др.), несмотря на презрение окружающих, на ложную маску ленивого и простоватого человека («дурака»), совершает героические либо просто добрые поступки, заслуживает поддержку волшебных сил и достигает сказочной цели. Удастся ему это за счет особой одаренности. Обладая гибким умом, чистой душой, которая открыта миру Природы, герой противоречит пресловутому «здравому смыслу» обывателей. Он видит окружающую реальность чистым и свежим взглядом мечтателя. Благодаря парадоксальной мысли, отличной от мысли, погрязшей в привычных представлениях быта, ему удается и достичь куда большего, чем его сказочным оппонентам. Герой волшебной сказки находит нетрадиционные («креативные», «новаторские») решения, казалось бы, в обычной бытовой ситуации. Его успех – в особом созидательном оптимизме.

Список литературы

1. **Афанасьев А. Н.** По шучьему велению [Электронный ресурс]. URL: <http://starina-rus.ru/afanasiev-skazka1/131.php> (дата обращения: 23.01.2014).
2. **Грахова С. И.** Народные демонологические рассказы: принцип двоимирия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1. Ч. 2. С. 64-67.
3. **Коровина Е. А.** Знаем ли мы свои любимые сказки? Скрытый смысл, зашифрованный сказочниками. Читаем между строк. М.: Изд-во «Центрполиграф», 2013. 381 с.
4. **Мелетинский Е. М.** Герой волшебной сказки. М. – СПб.: Академия исследований культуры; Традиция, 2005. 240 с.
5. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. Изд-е 20-е. М.: Рус. яз., 1989. 750 с.

IMAGE OF GIFTED PERSONALITY IN THE RUSSIAN FOLK FAIRY TALE

Grakhova Svetlana Ivanovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor

Skvortsova Lyubov' Vladimirovna

Elabuga Institute of Kazan Federal University

SG2223@yandex.ru; Lyubaxa0903@mail.ru

Conception of ‘gifted personality’ excited people many years, even centuries, ago. Ancient Russian folk fairy tale created its own ‘version’ of a character endowed by Nature with a quick mind, kind soul, creative optimism. The article tries to give the interpretation of a favourite character of fairy tales – Ivan the Fool – from the viewpoint of ‘gifted personality’. The paper reveals the poetics of folk image, symbolism of character’s nickname, makes conclusions of culturological and philosophical nature.

Key words and phrases: interpretation; image of a character; gifts; folklore; fairy tale; symbolism.

УДК 801.31

Филологические науки

В статье представлены результаты исследования речевых стратегий смены темы в публицистическом дискурсе. Работа выполнена на материале аналитических газетных статей. Высказывания, включающие указания на смену временного плана повествования и выступающие в качестве маркеров смены темы, а также весь включенный фрагмент исследуются в собственно лингвистическом аспекте, а также в референциально-прагматическом аспекте, поскольку референция трактуется как одно из оснований, формирующих глобальную связность дискурса.

Ключевые слова и фразы: речевые стратегии; смена темы дискурса; ретроспективная стратегия; номинативный способ экспликации темы дискурса; референция; дейктический маркер смены темы.

Гусаренко Сергей Викторович, д. филол. н.

Рахимова Анна Леонидовна

Северо-Кавказский федеральный университет

sgusarenko@mail.ru; anna@worldofpets.ru

РЕТРОСПЕКТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ СМЕНЫ ТЕМЫ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ СТАТЬЕ[©]

Цель данной статьи – представить результаты исследования стратегий смены темы в аналитической газетной статье. Высказывания – маркеры смены темы анализируются с лингвопрагматических позиций, а также с позиций локальной связности фрагмента, содержащего включенную тему, с основной частью текста, при этом особое внимание уделяется референциально-прагматическим аспектам обеспечения локальной связности текста.

В ходе работы с лингвистическим материалом были выявлены и теоретически описаны следующие стратегии смены темы [4] в аналитической газетной статье: 1. Ретроспективная стратегия. 2. Ассоциативная стратегия. 3. Сравнительно-сопоставительная стратегия.

Далее мы подробно рассмотрим ретроспективную стратегию смены темы дискурса в аналитической газетной статье. Исследование проводилось на материале, отобранном из интернет-вариантов качественных отечественных газетных изданий («Коммерсант» [7; 8] и др.).

Ретроспективная стратегия смены темы дискурса [3; 5; 6] предполагает применение высказывания, которое эксплицирует включенную тему, связанную с глобальной темой дискурса [2], как правило, общностью субъекта описываемых действий или событий. Применение ретроспективной стратегии предполагает не дальнейшее развитие глобальной темы, а предоставление читателю определенных данных, благодаря которым он мог бы составить для себя представление об описываемом объекте действительности в исторической перспективе. Представление таких данных в аналитической статье с лингвопрагматической точки зрения